

Придите и обрящете

Дин Спейс

Дин Спейс

Придите и обряцете

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70563316

SelfPub; 2024

Аннотация

Все не так, как кажется. И вкусяшкой на Марсе можешь стать даже ты, подготовленный агент с Земли.

Дин Спейс

Придите и обрящете

Это была уже пятая группа за сегодня, и Майк не спешил, потому что на похлебку и бар он уже заработал пару десятков монет из закаленного космического стекла. Наблюдая за новичками, он привычным движением стирал мелкую и противную красновато-оранжевую пыль с лицевой панели, заодно проверяя, как горят огоньки жизнеобеспечения на рукаве и подшлемнике. Такому инвалиду любой сбой систем грозил мучительной смертью посреди занюханного городка на краю Пустыни.

Чуть вдаль у лавки с местной живностью стоял ярко-желтый шериф Андерсен, мило болтая с толстушкой Пегги. Шериф явно подкатывал к девушке, то и дело панибратски толкая ее в плечевую пластину скафандра. Пегги была не против, судя по движениям ее округлой фигуры. Что делать, в таких несуразных костюмах за годы на Марсе у переселенцев выработались типичные и явные формы ухаживания, как у тех же лебедей или ящериц на Земле. Майк вздохнул. Земные птицы и животные ему вспоминались как нечто странное из детства, когда он с родителями посещал один из последних зоопарков на материнской планете, примерно за год до отлета.

Чуть дальше по пустынной улице сидел у своей лавки

продавец воды Симонович, безучастно наблюдая за неуклюжим ухаживанием шерифа. И даже унылый темно-серый скафандр его выражал вселенскую скорбь, как показалось Майку. Тут Марк Соломонович почувствовал взгляд Майка и сделал устаревшее движение, будто приподнял несуществующую “федору” над скафандром. Майк ответил ему марсианским приветствием, приложив единственную руку ладонью наружу к пластине своего шлема.

– Чуть было не забыл про туристов, – внезапно дошло до Майка. Включив двигатели круглой тележки, на которой покоился обрубок его тела, он направился к антикварной лавке, где обычно говорливый и услужливый Ким рано или поздно представит его группе жадных до всего марсианского туристов с Земли. Тележка перебирала когтистыми ножками по пыльной дороге, и Майк все четче мог разглядеть разноцветные скафандры с теми, кто еще пару недель назад вдыхал относительно чистый воздух и мог пить настоящую воду, а не эту выпаренную из отходов и выделений.

Даже по сравнению с пышкой Пегги туристы выглядели несуразно толстыми и низенькими. Наметанный глаз Майка тут же выделил три семейства с детьми. В каждом была как всегда кричащая напористая женушка и подкаблучник, который обычно ни в какие приключения не встречал, и ни на какой Марс в жизни бы не полетел, кабы не воля супружницы. А вот двое из той группы... Нечто в их поведении не понравилось Майку. Может, их отстраненность, а может быть,

искоса кидаемые по сторонам колючие взгляды. Да и более мускулистые и почти по-марсиански высокие фигуры навели Майка на очень нехорошие мысли.

Делать было нечего, он был профи, потому с жалостливым изуродованным лицом, которое отчетливо виднелось сквозь прозрачную пластину шлема, приковылял на своем многоноге тележки прямо к туристам. И вовремя! Как раз мамыши перестали пичкать своих чад в специальные переходники на шлемах марсианской халвой (“Удивительный вкус, очень редкий продукт, уверяю вас, сэр и мэм!”) А ведь никто в городке ни словом, ни кивком головы не покажет туристам в сторону ближайших окрестностей. Туда, где местные дети, скучая, за пять минут могут собрать эти выделения, сложенные в аккуратные кучки и валики у логовищ самками медлительных, но кусачих пыльных червей. Главное, чтоб высохло на слабом солнце достаточно для товарного вида и вкуса.

Мамаши радостно передавали скучающим и потеющим в скафандрах низеньким подкаблучникам кучу пакетов из радужной кожи тех же червей. Будет что показать на вечеринке по случаю прилета на Земле, всем этим ахающим и завидующим подругам. Тут и подземный янтарь с причудливыми насекомыми в палец длиной, и ложки из натурального нефрита, которого по всей Пустыне просто завались. И еще кучка диковинок. Но туристы все эти “стекляшки и бусы” оплачивали настоящими полновесными кредитами и монетами межпланетного образца. Да уж, Ким за сегодня явно разбогател.

Майк вспомнил, что на Земле в это время каникулы у папаш на непыльных работах и в школах у детей. Так что наплыв туристов неудивителен на самом деле. А завистливые подруги припрутся уже со своим семейством в другой сезон. Так работает “сарафанное радио”.

Тут Ким обратил внимание на прибывшего Майка, оторвался от впаривания очередной диковины глупому туристу, и обратился ко всей группе, театрально раскинув длинные руки в зеленом скафандре.

– Узрите, земляне! Вот он – наш ГЕРОЙ!!! – Ким, как всегда на этом месте, сделал эффектную паузу. Малыши застыли с набитыми “халвой” ртами, подкаблучники своими потными лицами в шлемах повернулись к инвалиду, как по команде. Майк медленно кивал, его время еще не настало. Краем глаза он заметил желтый скафандр шерифа, который от скуки вдруг решил посмотреть уже надоевшее представление, и прислонился к накопителю с жижей для перегонки в воду. На секунду Майку показалось, что шериф изучает группу туристов не из праздного любопытства, а также колюче окидывает взглядом ту мускулистую парочку.

Кстати, конспирации ради или действительно они захотели привезти на Землю-матушку чего-нибудь с Марса. В руках того, что был помоложе, красовался небольшой пакет, отливающий радужными отблесками в слабом свете далекого Солнца. Старший напряженно крутил в толстых перчатках нефритовую ложку и высматривал нечто в ее узорах. Его

позиция возле группы не оставляла сомнения, что у этого человека все и всегда под контролем.

При появлении Майка молодой кинул вопрошающий взгляд на старшего, а через мгновение изо всех сил уже обозревал окрестности. Старший же без всякого стеснения вперил свои колючие гляделки в инвалида, откровенно изучая его. Майку удавалось с большим трудом сдержаться и не ответить столь же дерзким и пронзающим взглядом в сторону наглеца. На секунду мир будто застыл, замерз... И тут же задвигался с той же скоростью, но Майку пару мгновений казалось, что все летит и кружится вокруг.

– Мадам, он действительно был первым, кто добрался до Храма... Сэр, уверяю Вас, это был наш лучший разведчик, не смотрите на его... хм-м... состояние сейчас... Да-да, малыш, тебе еще халвы? – будто издалека доносился голос Кима до Майка. Он чувствовал только внимание тех двух землян, изредка и односложно отвечая на восторженные и глупые ахи и вздохи матрон и детей из семейств, либо переводил вопросы на Кима, ловя его удивленные и недовольные, искоса кидаемые взгляды. Они говорили Майку, что тот возьмет не меньше половины из причитающихся инвалиду средств за его бездействие.

Но потрепанного жизнью разведчика не покидало ощущение грозного зверя, уже приготовившегося к прыжку на него, как на жертву. И это бодрило старого бойца... Да уж, насколько старого? Он же, считай, одногодка шерифа, чуть ли

не в один класс ходили по прилету на Марс! Седой инвалид с трудом вспоминал, что пару лет назад перешагнул сорокалетний по земным меркам рубеж. А уже такая жизнь за плечами... Он вздохнул, грустно ухмыльнулся и направил тележку прямо к стоявшим поодаль качкам с Земли. Старший ничуть не удивился, широко и злобно улыбаясь сквозь закаленное стекло шлема.

– Майкл Бичем, если не ошибаюсь?

– Совершенно верно... Чем обязан? – Майк внешне был спокоен, глядя сквозь слегка запыленное стекло в колючие маленькие глазки землянина.

– Меня также зовут Майклом, – неуклюже попытался стать “своим” землянин. – Майкл Грум, спецгент МПСБ.

Он слегка приподнял манжету перчатки на изнанке рукава, там мелькнул серебристый ромб Межпланетной службы безопасности. “Ясно...” – подумал Майк, внешне оставаясь безучастным. Для него не стало сюрпризом, что эти двое – прибывшие по его душу агенты.

– Ну, что ж, господа, – он вложил в это слово всю возможную иронию на грани оскорбления. – Предлагаю, чтоб не шокировать честных туристов, переместиться, скажем... К тетушке Агафирс, в наш единственный бар в округе. Как на это смотрите?

– Да, конечно, – обрадовался Грум. – С меня выпивка!

– Рано еще для таких посиделок, – проворчал Бичем. – Если вы не против, я бы с ясной головой хотел просто побыть

там без скафандра... Скажем, за легким ужином?

– Да, конечно!

И они направились к стеклянному полукуполу бара на краю города и Каньона.

На входе Майк показал приезжим, как быстро отстегнуть шлем, полностью не снимая его, мало ли что могло случиться с любым помещением на Марсе. Детишки у них с малых лет жили и играли в скафандрах, даже не представляя, как можно ходить по той же Земле без этой бронированной личной капсулы. Как раз такая пигалица, высокая и слегка несуразная девочка-подросток, подлетела к ним, как только они вышли из крутящегося шлюза.

– Привет! – Ната на секунду приложила тыльной стороной ладошку к лицу в приветствии. Земляне потрясенно глядели в ее огромные голубые глаза с каким-то сиреневым отблеском в глубине. Платиновые волосы сзади складывались в марсианскую короткую тугую косу, на Земле называемую “дракончиком”. Майк иронично наблюдал за реакцией приезжих. Марсианские подростки всех землян поражали своими увеличенными глазами и маленькой нижней челюстью на треугольном лице, длинными конечностями. Еще несколько поколений, и можно говорить о другом виде, Homo Marcianus.

– Что будете заказывать?

– Ната, а давай наш фирменный набор для гостей, окей?

– Да, конечно! – и девочка с заказом невесомо упорхнула к своей тете Агафье за стойку.

Земляне еще секунду или две удивленно глядели ей вслед, потом, очнувшись, пошли вглубь пустующего зала к любимому закутку Майка. Оттуда была видна большая часть прозрачного, слегка зеленоватого стекла окна во всю внешнюю стену, из которого открылся потрясший непривычных землян вид прямо вглубь долины Маринер, или, как говорили местные, просто Каньона, к которому резко обрывалась Пустыня. На закате Солнца можно было, наверно, часами рассматривать эти древние оранжевые и желтые уступы, постепенно уходящие в пыльную дымку и темноту самого большого в Солнечной системе разлома планеты. Гигантский шрам на теле Марса простирался в обе стороны от наблюдателей и терялся где-то в неощутимой дали, изредка проступая тенями более близких корявых и уступчатых стен, на пределе зрения даже тренированного человека.

– Ради такого вида уже стоило прийти сюда. Не правда ли, агенты? – наблюдал за их реакцией старый разведчик. Его седые и пегие пряди теперь свободно свисали по сторонам изувеченного лица, треть которого в свете потолочных светильников отливала неестественным отблеском искусственной кожи. Единственный глаз на уцелевшей стороне лица, тем не менее, горел сильным и цепким умом.

– Да-а... – только и проямлил старший землянин, но сразу собрался с мыслями. – Да, Майк... Ваш напарник, о котором не особо охотно упоминают ваши марсианские архивы. Где он?

– Вы про Макса Боброва? Кстати, тетя Агафья, или Агафирс – родная сестра его матери.

– Значит, Ната?..

– Да! Его младшая сестра. Родилась уже на Марсе.

– И что же с вами произошло, расскажите подробнее, пожалуйста! – голос спецагента стал подозрительно вежливым и вкрадчивым.

Майк про себя усмехнулся. Этих натасканных агентов он знал, как облупленных. Но рассказать очень уж хотелось, давно он не делился этим с новыми слушателями. Тем более, что Ната уже принесла всем по тарелке наваристой белковой похлебки и свежего хлеба из тепличных плодов. Перед агентами как по волшебству вырос внушительный стеклянный графин с марсианским алкоголем, отдаленно напоминающим земную текилу, и нарезка местного салата. И пусть не догадываются земляне, что это надкрылья ледяных жуков из Каньона.

Майк знал, что на Земле за бутылочку того пьянящего напитка люди платили до трети средней зарплаты. Но мало кто из них знал, из чего марсианские колонисты гонят это пойло. И потому агенты с удовольствием налили себе по кружечке, а разведчик отказался от повторного приглашения Гру-

ма. Второй агент Дэн только молчал и налегал на похлебку и питье.

– Ну, что ж... Разговор у нас предстоит долгий, как я думаю, – Майк оперся на столешницу все того же зеленоватого стекла, зачерпнул похлебку из личинок песчаных крабомух и отправил в почти беззубый рот ложку-другую. – Надо бы подкрепиться. Итак, агенты, нам с другом поступил приказ впервые в истории спуститься в Каньон...

С самого начала это задание плохо пахивало, но Майк с Максом, которых в поселке в шутку называли Эмэндэмсами, не привыкли обсуждать приказы, даже самые странные. Штабу в Столице виднее, у них аналитики, компьютеры и снимки со спутников. Кстати, скорее всего их послали в многокилометровый спуск именно оттого, что над Каньоном потеряли уже с десяток спутников, а приспособленные к марсианским условиям дроны, чем-то напоминающие земные воздушные шары с огромными пропеллерами, терялись в пыльной и местами мрачной глубине разлома в планете, внезапно переставая вести передачу телеметрии и видео.

Ради надежности и безопасности друзья спускались не на тяге реактивных ранцев, а старым дедовским способом – веревками и крючьями, пусть и модернизированными. И теперь, почти после суток усилий, они отдыхали на одном из

последних уступов в надувной палатке, где наконец-то смогли отстегнуть шлемы скафандров. Везде лежало оборудование и баллоны, которые им также пришлось спускать в долину. Макс смотрел на такую же древнюю, как их метод спуска, бумажную карту, отмечая ногтем какие-то места. Правда, надиктовывал он свои наблюдения прямо в наплечную пластину, куда был встроен “помощник” – комп, секретарь, базы данных и прочее в одном устройстве.

– Что там разглядел? – спросил Майк после того, как уложил баллоны с воздухом. Работа была тяжелая, но привычная, он ее делал почти на автомате.

– Пришли данные из Штаба. Смотри, – Макс был немногословен, особенно, если собеседник мог сам догадаться. Он молча дал карту Майку и пальцем показал на последние отметки.

– Места падений спутников, – ноготь Макса описал большую дугу почти поперек Каньона.

– Это же... круг? А какой радиус?

– Километров сорок... До ближайших мест падений от нас примерно пятнадцать километров. Давай так сделаем. Берем по паре баллонов, остальное будет здесь, налегке проверим, что в центре круга.

– Согласен, – без колебаний ответил Майк. – Выходим завтра до рассвета?

Так и случилось. Напарники почти без происшествий добрались до ближайшего места падения спутника примерно к

середине следующего дня. Всякие неприятности типа барабанных залежей пыли, зарослей местной колючки в полметра длиной и скопления логовищ червей они легко обходили, не делая лишних движений, и не тратя лишнего вдоха воздуха или глотка воды.

Даже местные, годами ходящие в Пустыню, не всегда смогли бы отметить те слабые отличия в окраске местности, которые улавливали тренированные глаза разведчиков. Молча, одним-двумя движениями они показывали друг другу, где находится опасность, а потом действовали, как один отлаженный годами механизм.

Первым исковерканный спутник заметил Макс. Он был ближе к тому валику породы, который выбил упавший агрегат. Майк четко видел высокую мускулистую фигуру напарника на вершине всхолмья. Макс поднял руку в сигнале для Майка, да так ее и не отпускал. Со всей возможной скоростью разведчик поднялся к другу и бросил взгляд на то, что открывалось внизу вала из красноватых и желтых пород.

Половина спутника угадывалась в мешанине тарелок, объективов и антенн, почти закрывающих собой кубическую основу. Вторая же половина... Аппарат будто пережил удар огромного молота, все его нежные внешние устройства просто вогнало внутрь бывшего кубика, по краям удара торчали лохмотья устройств, батарей, каких-то плат.

Макс повернулся к другу и сделал дугообразное движение, показывая на обломки. Майк присмотрелся. И точно!

Удар был не плоским, наметанный взгляд разведчика угадал легкое закругление того, что смогло так изувечить на близкой орбите творение разума людей. Майк показал руками купол над местностью и получил утвердительный кивок напарника.

– А дальше было не так интересно, господа агенты, – продолжал вещать инвалид. – Мы с Максом разок вернулись за свежими баллонами, да успели передать в Штаб съемки остатков спутника. На следующий день, вооружившись серьезнее и свернув лагерь, с тележками баллонов, мы двинулись к центру той зоны, что сшибала наши аппараты.

– И что же вы там нашли? – подался чуть вперед слегка пьяный агент Грум.

– Ничего особенного... Просто древний марсианский Храм.

Местность была тихой, живность на удивление, какой бы заторможенной в марсианских условиях ни была, почему-то здесь отсутствовала. Разведчики отметили это просто как факт, потому что их больше занимало то, что открылось примерно в середине утомительного пути от зоны падения спутников. Оно росло по мере приближения, становясь все четче, чем меньше пыли было между ним и напарниками. Странная штука, а может быть, сооружение, издали напоминало

огромный костер, сложенный из гигантских прутьев. Высота этой конструкции достигала почти трети от глубины Каньона в том месте. И друзья недоуменно переглядывались, даже примерно не представляя, как можно соорудить такое циклопическое нечто.

По мере приближения разведчики увидели, что якобы тонкие прутьики в одной связке, из которых был сложен “костер”, на самом деле были шестигранными плавно изгибающимися элементами километровой длины, будто выдавленные сверху из невероятных тубиков. Они не просто изгибались как шатер книзу, а связка “путьев” слегка закручивалась вокруг вертикальной оси. Сооружение было очень древним, все в огромных щербинах. Попытка снять это на “помощника” в наплечнике ни к чему не привела, аппаратик просто не работал.

Вблизи сооружение уже больше походило не на костер, а на удивительное окаменелое дерево с таинственными провалами среди циклопических воздушных корней. Приближаясь к огромному пруту, ближайшему к разведчикам, они увидели, что воздух, обычно разреженный на Марсе, подрагивает, будто уплотняясь. На пыльной почве, почти вплоты к шестиграннику, четко обозначился круг, охватывающий все сооружение. “Ясно?” – взглядом спросил Майк и получил кивок от друга.

Макс сделал пару попыток запустить дрон-тележку, но вся аппаратура просто не включалась, при этом батареи показы-

вали полный заряд. Друзья решили приблизиться к гигантскому пруту сооружения. На условной границе с уплотнившимся воздухом Макс вскрикнул. Бластер в кобуре на бедре разведчика раскалился, ему пришлось отпрыгнуть назад, к слегка отставшему Майку.

– Оно нас не пускает, пока хоть одна энергоемкая штука надета.

– А скафандр? – поинтересовался Майк.

– Он тоже, вспомни о системах жизнеобеспечения.

– Что будем делать? Возвращаемся? Съёмки нам не сделать, один словесный портрет, так сказать, того, что видели.

Макс стоял неподвижно, как металлическая статуя. Его скафандр отливал золотом в свете склонившегося к закату Солнца.

– Нет! Я пойду внутрь. Оно зовет меня! – и разведчик быстрыми движениями отстегнул шлем, сбросил застёжки рукавов и быстро провел по боковым молниям скафандра, оставшись в одном легком костюме на марсианском морозе и без нормального воздуха. Его лицо мгновенно побагровело, но резким движением Макс рванул от упавшей брони в круг зоны, где сделал глубокий вдох. Все произошло так быстро, что Майк не успел ничего сказать или среагировать. Но когда он увидел Макса, стоящего посреди планеты в одном легком костюмчике, голову на мгновение перемкнуло, и Майк рванул к нему в круг. Грохот, боль, разрывающая связки и мышцы ног и руки у бластера, опалившая лицо жженым пласти-

ком подшлемника. Майк только и успел, что инстинктивно повернуть лицо в сторону от взрыва.

– Ох, дурак, – только и услышал Майк голос вполне живого и здорового друга перед отключкой.

– И... что было дальше? – спросил осторожно Грум у замолчавшего инвалида.

Майк почти не моргая смотрел на вечерний Каньон. Он любил и ненавидел его одновременно. Очнувшись, продолжил:

– Как вам сказать, агенты. Пришел в себя почему-то уже в поселке, лежа на больничной койке, без ног и одной руки, да и почти половины тела там, где был мой бластер. Лицо кое-как спасли, кожу вот пересадили.

– А что случилось с Максом. Вы так и не ответили.

– Макс, да... А он остался при Храме, тот его назвал Верховным Хранителем. Уж не знаю, что это означает. Может, их жрец. Я так и не понял, сколько тысяч лет эта штука ждала нас.

Майк резко повернулся от окна к землянам. Зал потихоньку заполнялся, местные жители брали у тетушки Агафьи свои драники из корня пустынной колючки, пили янтарное молоко. Почти все внимательно слушали Майка, не вмешиваясь, но при этом делая вид, что заняты своими дела-

ми, либо играли в настольные игры после тяжелого дня. Шериф Андерсен продолжал ворковать за соседним столиком с пышкой Пегги, в зале играла тихая расслабляющая музыка.

– Понимаете, Майкл, – разведчик впервые обратился по имени к землянину. – Много тысяч, может, и миллионов лет назад была Война. Она почти уничтожила очень древнюю, но очень злую расу инсектоидов, которые жили здесь, на этой планете. Инсекты побеждали и пожирали всех врагов на всех мирах, до которых смогли добраться. Никто с этим не хотел мириться. И последним ударом враг расколол планету в попытке добраться до хорошо спрятанного в глубинах главного Хранилища и сердца инсектов-марсиан. Мы его называем Храмом, и не зря. Врагу почти удалось задуманное, Марс во мгновения лишился большей части воздуха, и все инсекты на планете умерли от удушья и падения температуры. Я почти не упоминаю радиацию из Космоса, она им слабо вредила. А Хранилище, то есть Храм... Стоит и поныне. А того врага ныне нет, ни слуху ни духу, как говорит тетушка Агафирс.

Майк замолчал в ожидании реакции агентов. Посмотрим на их выучку и интеллект.

– А откуда Вам это все известно? – наконец изрек Грум. Его глаза подозрительно блестели.

Майк усмехнулся. Все-таки Земля присылает к ним не совсем тупых идиотов.

– Очень верный вопрос, спецагент Грум. Если слегка по-

размыслить, то с теми повреждениями я не смог бы проползти десятки километров до лагеря, и взобраться даже со снаряжением к нашему поселку. И если есть Верховный Хранитель, значит... – старый разведчик сделал паузу и уловил огонек понимания в глазах Грума. – Да, верно! Есть и простые хранители!

Через мгновенье Грум подал незаметный знак Дэну, и тот, несмотря на легкое опьянение, через секунду держал бластер, вытащив из разорванного пакета якобы с покупками. Он направлял его прямо в грудь бывшего разведчика, и изо всех сил давил на гашетку. Но все было бесполезно для землян.

Мир опять застыл, оцепенел. Хранитель остановил время, как тогда на улице, когда разрядил бластер молодого землянина и проверил их документы. В экзопространстве все окружающее выглядело каким-то свернутым, Хранитель смотрел, но не земными слабыми глазами с узким частотным диапазоном. По краям его зрения будто разбегались фракталы невообразимых людьми цветов, а по всему залу находились... его боевые товарищи. Он чувствовал взгляды их фасеточных глаз, их жвала и конечности шевелились, десятки длинных языков пробовали воздух и пищу на вкус. Им приходилось пока что жить в этих слабых человеческих телах. И они все побывали у Храма в свое время.

– Марс будет наш! – проскрипел на своем языке Хранитель.

– Марс будет наш! – ответили боевые товарищи.

Тот, кто был “шерифом”, воткнул острую конечность прямо в мозг Грума, и давал ему указание прибыть к Хранилищу как можно скорее. Где лежит снаряжение и все необходимое для похода землян, все заранее знали, не впервой. Толстушка “Пегги” проделывала ту же операцию на мозге Дэна. Время опять ускорилося, в зале сидели марсианские колонисты, доедали свои пудинги и драники. Земные агенты тяжело повернулись и тут же направились за горным снаряжением. Им очень нужно было попасть к Храму.

Инвалид смотрел им вслед единственным уцелевшим глазом. Уходили такие молодые, такие яркие... Такие вкусные ДУШИ!

Но Храму нужна очередная жертва! А в пустые оболочки можно вселить пробужденных ритуалом насекомых из глубин Хранилища. И отправить агентов якобы с отчетом ждать на третью планету.

Скоро Марс будет принадлежать только им.

А потом и сама Земля!

Хранитель мысленно причмокнул жвалами.